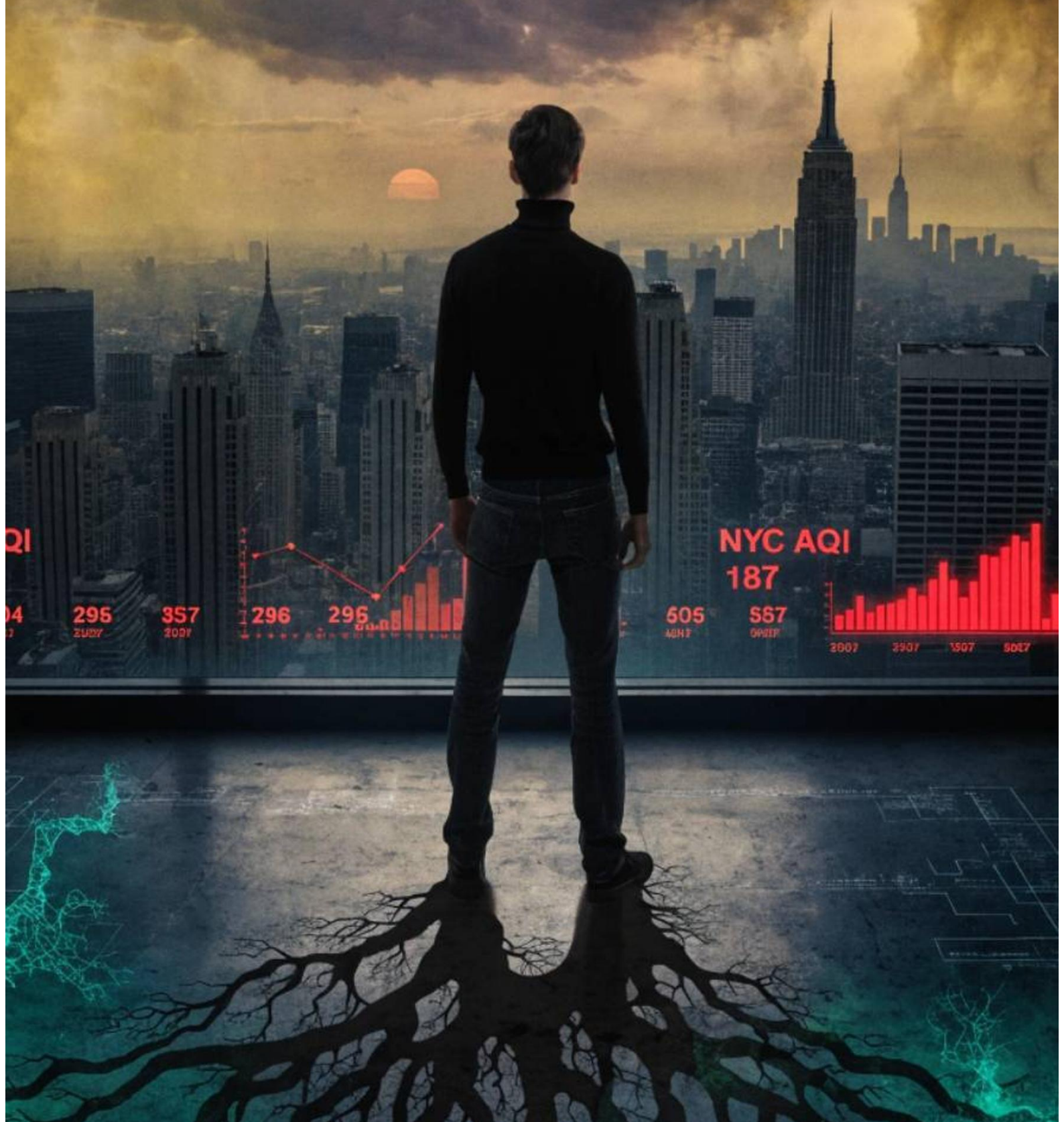

АЛЬБЕРТ КРУС

Василий Сысуев

Альберт Круз

«Автор»

2026

Сысуев В.

Альберт Круз / В. Сысуев — «Автор», 2026

Яну Польскому двадцать пять. Он работает официантом в Огайо и пытается спасти бабушку от рака легких. Семья продает единственный дом и отдает последние 400 000 долларов за операцию в Нью-Йорке. В это время мегаполис задыхается от удушливого смога, а всемирно известный ученый Альберт Круз — школьный друг Яна — уверяет мир, что всё под контролем. Но Ян замечает: его гениальный друг нагло лжет. Пока Нью-Йорк погружается во тьму, а половина человечества задыхается от скачка давления, Ян начинает расследование в трущобах Квинса. Он раскрывает заговор: Альберт сам запустил уничтожающий кислород Деструктор, чтобы скупить за бесценок мировые акции. Свои триллионы он оформляет на доверчивых индийских мигрантов, которых затем хладнокровно убивает. Чтобы спасти семью и планету, обычному официанту придется прорваться в засекреченную лабораторию и силой кулаков выбить из триллионера коды к спасительному Регенератору, запустив над миром и суровый суд.

© Сысуев В., 2026

© Автор, 2026

Василий Сысуев Альберт Круз

Альберт Круз

Название книги

Жанр: Научная фантастика

Глава 1. Пятничный чад Кливленда

Подолы дешевых черных туфель Яна Польского горели так, словно он несколько часов подряд ходил босиком по раскаленным углям. Пятница в придорожном ресторанчике «Грейс» на глухой окраине Кливленда, штат Огайо, всегда превращалась в бесконечный конвейер по переработке человеческих сил. Зал был забит до отказа. Местные дальнбойщики, только что сошедшие с тяжелого многодневного рейса, громко спорили у барной стойки, требуя у бармена еще пива и крича друг другу прямо в уши. Работяги с соседнего авторазбора в грязных, пахнущих мазутом комбинезонах шумно обсуждали цены на б/у запчасти. Уставшие многодетные семьи, заехавшие за копеечными бургерами после тяжелой недели, заполняли все свободные кабинки у окон. Воздух в заведении был плотным, липким и серым от гари. Старая, вечно барахлящая вытяжка над огромной чугунной плитой не справлялась с нагрузкой. По всему залу разносился тяжелый, въедливый угар пережаренного фритюрного масла. Он намертво въедался в одежду, волосы и кожу, и смыть его было невозможно даже под ледяным душем. Яну Польскому было всего двадцать пять лет, но каждое утро, глядя в треснувшее зеркало в своей съемной квартире на цокольном этаже, он видел в отражении уставшего тридцатилетнего мужчину с темными кругами под глазами. Последние три года его жизнь текла по одному и тому же монотонному, унылому маршруту: от продавленного дивана до качающихся кухонных дверей этого заштатного ресторана. На тяжелом пластиковом подносе, который он держал затекшими от напряжения пальцами, остывали две чашки недопитого жидкого кофе, тарелка с размазанными остатками жирного соуса и гора грязных салфеток. Ян лавировал между тесными столами, уворачиваясь от локтей подвыпивших посетителей. — Эй, парень! — гаркнул ему в спину дородный водитель в бейсболке. — Мы тут счет ждем уже минут десять! Ты заснул на ходу? — Сейчас всё будет, сэр, одну минуту, — Ян даже не обернулся, на автомате выдав заученную, фальшиво-вежливую фразу, которую он повторял сотни раз за день. Он сгрузил грязную посуду на скользкий стол мойщика, сорвал с шеи влажный от пота воротничок форменной рубашки и с силой прислонился спиной к прохладному кафелю стены возле раздаточного окна. Глаза нещадно жгло от лукового дыма и дешевых чистящих средств. Он ненавидел этот фартук. Он ненавидел этот запах дешевой еды. Ведь еще три года назад всё в его жизни должно было пойти по совершенно другому, блестящему сценарию. Три года назад Ян Польский дышал прохладным, чистым воздухом Массачусетса, ходил по историческим кирпичным дорожкам Бостона и готовился получить престижный диплом биофизика в Гарвардском университете. Ян не был блатным парнем, за которого платили богатые родители или влиятельные дяди с Уолл-стрит.

Он был провинциальным отличником, который пробился на самый верх исключительно благодаря своей голове. Ян сдал вступительные тесты на такой запредельно высокий балл, что строгая приемная комиссия Гарварда долго перепроверяла результаты, удивленно качая головами. У него был редкий, уникальный математический талант — он умел с ходу подмечать сложные закономерности в движении газовых масс, просчитывать термодинамические циклы в уме и строить физические модели атмосферы. Профессора пророчили ему великое будущее в мировой науке. Но сытый, дорогой, высокомерный Бостон его сожрал. Всё началось на третьем курсе, когда резко выросли проценты по его кредиту. Банк, не предупредив, прислал первое жесткое уведомление о просрочке платежа. Ян попытался найти подработку, но совмещать каторжную учебу на биофаке и ночные смены грузчиком было невозможно. Оценки поползли вниз. Банк заблокировал его карты, коллекторы начали обрывать телефон. Навалился дикий, удушающий стресс, от которого каждую ночь раскалывалась голова. И Ян сломался. Вместо университетских библиотек и лабораторий он начал искать спасение в ночных барах кампуса. Дешевое виски в хлам прямо в комнате студенческого общежития, случайные девушки, чьих имен он не помнил на утро, оглушающая музыка, от которой закладывало уши, и бессмысленные тусовки до самого рассвета. Ему стало банально лень открывать учебники. Ян завалял один профильный экзамен, затем второй. Финальной точкой стал жесткий разговор с куратором курса. Пожилой профессор попытался воззвать к его совести, но Ян, будучи пьяным и взвинченным до предела, просто сорвался. Он орал так, что в кабинете дрожали стекла. Он кричал, что Гарвард — это сборище зажавшихся лицемеров, назвал профессора старым маразматиком и с силой швырнул зачетную книжку ему в лицо. Его вышвырнули из университета в тот же день, с треском и волчьим билетом, закрыв дорогу в науку навсегда. — Ян, эй... Ты как? Живой? — из тумана кухонных испарений тихо вышла Оливия. Его жена. Единственный человек на всей планете, который не собрал чемоданы и не ушел, когда перспективный гарвардский студент в одночасье превратился в нищего должника без будущего. На Оливии были простые, застиранные джинсы и серая ветровка автозаправщика. На её бледном лице, под слоем въевшейся дорожной пыли, читалась точно такая же смертельная измотанность. Она без выходных вкалывала на местной сетевой АЗС, отмывая лобовые стекла тяжелых грузовиков и выслушивая сальные шутки от проезжих водителей. — Живой, Олив. Только ноги отваливаются, спину не чувствую, — Ян выдавил короткую, вымученную улыбку и наконец-то стянул с себя ненавистный фартук официанта, швырнув его в ржавый шкафчик для персонала. — Всё, моя смена закрыта. Менеджер смиростивился и отпустил на полчаса раньше. — Поехали скорее. Отец уже два раза звонил на мобильный, спрашивал, где мы застряли. Говорит, мама очень ждет, — Оливия мягко взяла его за руку. Её ладонь была прохладной, сухой и шершавой от постоянного контакта с едкими чистящими средствами. Каждую пятницу, несмотря на то, что у них обоих двоилось в глазах от усталости после рабочей недели, они садились в свой старый, дребезжащий седан с ржавыми крыльями и ехали далеко за город. К родителям Яна. Это был их незыблемый семейный ритуал. Единственный крошечный островок безопасности и покоя, где не было наглых коллекторов, писем из банка, счетов за аренду подвала и упущенного бостонского будущего. Ян завел мотор, который натужно закашлял, и машина медленно покатила прочь от душных огней Кливленда. Дорога за город заняла почти час. Старый седан тяжело подпрыгивал на выбоинах провинциального шоссе, а в салоне пахло старой обивкой и дешевым освежителем воздуха. Ян молча крутил руль, вглядываясь в темноту перед собой. Оливия дремала на пассажирском сиденье, поджав ноги под себя. Наконец машина свернула на грунтовую дорогу, ведущую к небольшому поселку, где жили его родители. Старый деревянный коттедж с покосившимся крыльцом и облупившейся серой краской на стенах встретил их тихим, теплым светом кухонных окон. Этот дом всегда казался Яну вечным и незыблемым, единственным местом на земле, где время словно остановилось. Едва Ян переступил порог, в нос ударил родной, с детства знакомый запах — корица, яблочный пирог, сушеные травы и ста-

рая бумажная пыль от отцовских книг. Мать Яна, заметно сдавшая и постаревшая за последние месяцы, с набрякшими синими венами на худых руках, бросилась к ним прямо из коридора. Она была в своем старом домашнем фартуке. Женщина крепко, до хруста в ребрах обняла сына, словно не видела его несколько лет, а затем нежно прижала к себе Оливию, погладив её по волосам. Отец сидел в углу гостиной, на старом потрепанном кожаном кресле перед выключенным экраном телевизора. Он поднял руку, глухо кашлянув в кулак:— Здорово, Польский. Доехали наконец-то. Садитесь на кухню, мать чай только что заварила, свежий. На деревянном кухонном столе уже исходили густым паром четыре фарфоровые кружки со сколами. Чай был крепким, темным, с ароматом лесных ягод. Мать присела на край стула, шумно вздохнула и убрала выбившуюся прядь седых волос со лба. Её руки заметно дрожали, когда она двигала к Яну тарелку с печеньем. Она долго всматривалась в лицо сына, словно пыталась отыскать в нем прежнего, веселого и уверенного бостонского студента, которым он когда-то был.— Ну, рассказывайте, дети, — тихо начала она, переводя взгляд с Яна на Оливию. — Как у вас дела обстоят там, в Кливленде? В ресторане платят вовремя? Хватает на еду? Менеджер твой не лютует?— Нормально всё, мам, потихоньку, — Ян сделал большой глоток, чувствуя, как горячая жидкость приятно обжигает горло и согревает уставшее тело. — Прорвемся. Оливии вот дополнительные смены добавили на заправке, так что с деньгами станет чуть полегче. На жизнь и аренду нашего подвала хватает, долги банку потихоньку закрываем, по сто долларов в месяц отправляем. Вы-то как? Как здоровье? Мать внезапно опустила глаза на скатерть. Её пальцы, сжимавшие теплую кружку, крупно задрожали, а губы сжались в тонкую линию. В комнате повисла такая тяжелая, липкая и удушающая тишина, что стало слышно, как на стене мерно и глухо тикают старые дедовские ходики. Ян почувствовал, как внутри него всё сжалось от нехорошего предчувствия. Сердце застучало быстрее. Отец в гостиной тяжело вздохнул, поднялся с кресла и подошел к кухонной двери, опершись о косяк. Он выглядел бледным и постаревшим на десяток лет.— Бабушке стало совсем плохо, Ян, — очень тихо, почти шепотом произнесла мать. Из её глаз быстро покатались слезы, оставляя влажные дорожки на бледных, морщинистых щеках. — Её увезли на скорой сегодня утром. Прямо с огорода, она упала посреди грядки с помидорами. Местные врачи провели томографию, сделали экстренные анализы... У неё рак легких. Поздняя, четвертая стадия. Наш местный угольный разрез за чертой города, который коптит небо уже тридцать лет, за эти годы окончательно сжег её легкие. Она дышать сама почти не может, сидит на чистом кислороде из баллона. Ян замер с поднятой кружкой, чувствуя, как эта весть бьет его наотмашь под дых. В голове зашумело. Оливия испуганно охнула, выронив ложку, и прижала ладонь к губам, глядя на свекровь круглыми от ужаса глазами.— Местные коновалы в городской больнице отказались брать её на операционный стол, — глухо добавил отец со своего места. Его голос звучал надтреснуто и сухо, как ломающаяся ветка. — Сказали, что опухоль огромная и слишком сложная, сидит прямо у основания главных бронхов. У них здесь нет ни оборудования, ни специалистов такого уровня. Нам прямо сказали: оставляйте её здесь умирать, ей осталось от силы неделя. Но мы не сдались. Мы связались с Нью-Йорком. Ян с трудом сглотнул горький ком, образовавшийся в горле, и обвел глазами маленькую уютную кухню:— Нью-Йорк? Но отец... откуда у нас деньги на Нью-Йорк? Клиники Манхэттена — это же астрономические суммы. Там один день палаты стоит как моя месячная зарплата в ресторане. Мать подняла на него глаза. В них больше не было слез — только какая-то пугающая, отчаянная и холодная решимость женщины, которой больше нечего терять в этой жизни:— Я продала наш дом, Ян. Всё до последнего цента ушло на то, чтобы нас приняли. Бумаги были подписаны сегодня в полдень. Ян ушам своим не поверил. Он резко вскинул голову, оглядывая родные деревянные стены, пожелтевшие фотографии на полках, старый буфет с посудой — всё то, что составляло его жизнь, его детство, его единственные теплые воспоминания.— Продала дом? Мам, ты шутишь? Это же ваше единственное жилье! Где вы с отцом будете жить, когда вернетесь из клиники? На улице?— Ради жизни матери я продам что угодно, сынок, и мне пле-

вать на кирпичи и доски, — жестко, без единой нотки сомнения ответила она. — Нам не нужны стены и крыша, если под этой крышей некому будет дышать. Завтра утром, ровно в шесть часов, мы выезжаем всей семьей в Нью-Йорк. Автомобиль скорой помощи с баллонами уже зафрахтован, он приедет к больнице. От дома родителей явно ничего не осталось, он больше нам не принадлежит. Завтра в полдень банк забирает ключи и ставит свои замки. Собирайте вещи, дети. Нам нужно успеть до того, как у неё окончательно откажут легкие. Поторопитесь.

Глава 2. Нью-Йоркский капкан

Остаток ночи пролетел в лихорадочных сборах. Ян и Оливия вернулись в свою полуподвальную квартиру ближе к трем часам. Они не разговаривали. Каждый молча сбрасывал в старые спортивные сумки самые необходимые вещи: смену белья, поношенные свитера, документы и остатки дешевых медикаментов из аптечки. Ян застегнул молнию на сумке и присел на край кровати, уставившись в серую стену. Мысли путались. Дом его детства, где он учился ходить, где отец читал ему книги, а мать пекла пироги по выходным, больше им не принадлежал. Его продали за бесценок местным риелторам ради одного призрачного шанса в чужом мегаполисе. Ровно в шесть утра они уже стояли у ворот родительского коттеджа. К крыльцу с тихим урчанием подкатил нанятый медицинский микроавтобус. Двое санитаров в серых комбинезонах быстро и аккуратно выкатили носилки с бабушкой. Она выглядела пугающе хрупкой, почти прозрачной под тяжелым шерстяным одеялом. К её лицу плотно прилегла пластиковая кислородная маска, соединенная со стальным баллоном, который мерно и тихо шипел, отсчитывая литры её жизни. Мать Яна шла следом, прижимая к груди старую кожаную сумку с документами и чековой книжкой. Отец молча запер входную дверь дома, на мгновение замер, прижав ладонь к дереву, а затем решительно развернулся и сел на пассажирское сиденье их старого седана. Ян занял место водителя. Оливия устроилась рядом. Колонна из двух машин тронулась в путь, оставляя Огайо позади. Дорога до Нью-Йорка растянулась на долгие, изнурительные девять часов. Старый седан нутужно ревел на затяжных подъемах Пенсильвании, подвеска глухо стучала на каждой выбоине разбитого шоссе. Ян до боли в суставах сжимал пластиковый руль, не отрывая взгляда от серой полосы асфальта. В зеркале заднего вида он постоянно контролировал белый фургон скорой помощи, следовавший за ними. На заправках они останавливались лишь для того, чтобы залить самый дешевый бензин и проверить уровень кислорода в баллонах бабушки. Воздух за окном постепенно менялся, теряя лес-

ную прохладу Огайо и становясь всё более сухим и пыльным. Ближе к полудню на горизонте начали вырисовываться блеклые очертания моста Джорджа Вашингтона. Нью-Йорк встретил их неестественным, удушливым маревом [Travel]. Чем ближе они подъезжали к Манхэттену, тем сильнее темнело небо. Это были не грозовые тучи — над небоскребами плотной, неподвижной коркой висел тяжелый, маслянисто-желтый смог, похожий на испарения серной кислоты [Travel]. Солнце едва пробивалось сквозь эту грязную завесу, выглядя как тусклый, зловещий медный пятак. Едва Ян приоткрыл боковое стекло, чтобы оплатить проезд по мосту, как в салон ворвался резкий, химический запах гари. От него мгновенно запершило в горле, а глаза обожгло до слез. С непривычки у всех пассажиров седана дико заломило виски — атмосферное давление в городе явно скакало из-за аномальной загазованности. Они доехали до Бронкса, где заранее забронировали самый дешевый, обшарпанный мотель у автострады. Комната пахла сыростью и старым линолеумом. Ян помог родителям занести их скромные сумки, после чего они сразу же, без минуты отдыха, направились в легочный центр «Маунт-Синай». Скорая помощь уже доставила бабушку туда, в приемный покой. Здание клиники на Манхэттене поражало своим холодным, неприступным величием. Огромный зеркальный фасад отражал желтое небо, а внутри гудели мощнейшие скрытые кондиционеры, гоняя абсолютно чистый, прохладный воздух. Здесь не было смога, но атмосфера казалась еще более удушающей из-за звенящего медицинского безразличия. Их почти сразу пригласили в кабинет к главному хирургу отделения. Врач — подтянутый, безупречно подстриженный мужчина в белоснежном халате с золотой вышивкой — лениво перелистывал страницы электронной медицинской карты на своем тонком планшете. На его лице не было ни капли сочувствия. Для него эта провинциальная семья была лишь очередным пунктом в плотном рабочем графике. — Ситуация крайне запущенная, — без обиняков начал хирург, переводя холодный, оценивающий взгляд на бледную от усталости мать Яна. — Опухоль левого легкого разрослась, пошли обширные метастазы в лимфатические узлы. Местные врачи в вашем Огайо правы в одном — медлить нельзя. Нужна экстренная лобэктомия, мы должны полностью удалить пораженную долю легкого. После этого потребуются длительный курс лучевой терапии и минимум три недели в стерильном боксе реанимации под постоянным контролем аппаратов искусственной вентиляции. Шансы на спасение есть, но операцию нужно готовить прямо сейчас. — Делайте, доктор. Пожалуйста, делайте всё, что необходимо, — быстро сказал Ян, чувствуя, как от нервного напряжения сводит челюсть. Хирург сухо, едва заметно усмехнулся и аккуратно положил планшет на полированную поверхность стола. Он скрестил пальцы на груди: — Молодой человек, вы должны понимать, куда вы приехали. «Маунт-Синай» — это частный элитный центр с передовым оборудованием. Общая стоимость операции, всех необходимых медикаментов, реанимационного бокса и последующей терапии составит четыреста тысяч долларов. Без медицинской страховки вашего штата. Оплата требуется вперед, прямо сейчас. Вы готовы подтвердить платежеспособность? В просторном кабинете воцарилась удушающая, мертвая тишина. Было слышно только, как тихо работает кондиционер в стене. Отец Яна глубоко, со свистом вздохнул, его плечи бессильно опустились, а лицо стало серым. Эта сумма подчистую, до последнего цента сжирала все деньги, которые они получили от продажи своего единственного дома в Огайо. Они оставались без гроша за душой, нищими чужаками на улицах огромного, безжалостного мегаполиса. Мать Яна молча, без единого слова открыла свою старую сумочку. Её худые пальцы крупно и заметно дрожали, когда она доставала чековую книжку. Она долго не могла попасть кончиком ручки в нужную строчку, её дыхание прерывалось, но затем она уверенно и размашисто вывела на бумаге цифры: 400 000. — Ладно. Я выпишу чек, — твердо произнесла она, протягивая заполненный листок хирургу. В её глазах не было слез — только ледяная решимость матери, отдающей последнее ради спасения своей семьи. — Спасите её. Это всё, что у нас есть. Врач взял чек, внимательно проверил водяные знаки, кивнул и нажал кнопку на селекторе: «Готовьте вторую операцию. Пациентка

Польская». Ян не мог больше находиться в этом стерильном здании. Его душили эти белые стены, душил этот искусственный воздух и осознание того, что его родители только что остались бездомными бомжами ради того, чтобы подарить бабушке еще несколько месяцев жизни. Он оставил Оливию, отца и маму на пластиковых стульях в коридоре возле операционного блока, а сам быстрыми шагами вышел в вестибюль клиники. Опустившись на жесткое кресло в углу, Ян достал из кармана куртки свой старый Айфон. Ему дико, до тошноты хотелось расслабиться, сбежать хотя бы на полчаса от этой удушающей реальности, забыть про этот чек и проклятую опухоль. Он бесцельно листал ленту мировых и городских новостей в телефоне, пока его взгляд не наткнулся на огромный рекламный баннер, от которого у него буквально перехватило дыхание. С экрана Айфона на него смотрело до боли знакомое, загорелое лицо с идеальной улыбкой. «НЬЮ-ЙОРКСКИЙ ВСЕМИРНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ САММИТ. Главный спикер дня — Альберт Круз, Администратор окружающей среды и Глава Международного института мониторинга качества воздуха». Ян застыл, не веря собственным глазам и перечитывая строчки три раза подряд. Альберт Круз. Алька. Пацан из обшарпанного соседнего двора в Огайо, с которым они с пяти лет делили одну песочницу, ломали деревянные заборы, дрались до первой крови, а потом вместе поехали штурмовать Бостон. Они ведь вместе учились в Гарварде, жили в одной тесной комнате студенческого общежития. Это Альберт пахал как проклятый над учебниками по биофизике, пока Ян катился по наклонной со своими тусовками, алкоголем и девчонками. Это Альберт Круз стал великим ученым, чье имя теперь гремело из каждого выпуска новостей, пока сам Ян разносил тарелки дальнобойщикам. Ян поднялся на ноги и быстрым шагом вернулся по коридору к Оливии, протягивая ей светящийся экран: — Смотри... Олив, глянь сюда. Помнишь, в новостях Огайо говорили про главного эколога? Это Алька. Мой одноклассник. Жена пробежала глазами по строчкам и удивленно округлила глаза, прижав ладонь к груди: — Вау... Ничего себе! Ян, у тебя правда был такой одноклассник? Вы вместе учились в Гарварде? Этот человек сейчас рассказывает всему миру, что происходит с экологией! Я в шоке. — Я сам в шоке, Олив, — тихо выдохнул Ян, поворачиваясь к панорамному окну клиники. Прямо через дорогу возвышалось гигантское зеркальное здание конгресс-центра. — Я полностью потерял его из виду после своего отчисления. А он, оказывается, теперь решает вопросы чистоты воздуха на планете. Слушай, тут написано, что его открытая лекция начнется через пятнадцать минут там, в конгресс-центре. Может, сходим вместе? Я попробую пробраться за кулисы, поговорю с ним. Хочешь со мной? Оливия устало покачала и бессильно прислонилась спиной к больничной стене, глядя на закрытую матовую дверь операционного блока: — Нет, Ян, извини. Я так вымоталась из-за этой безумной дороги из Огайо, из-за этого страшного стресса с чеком твоей матери... У меня голова раскалывается. Я хочу просто посидеть в палате или побуду здесь с твоими родителями. Иди один. Тебе нужно отвлечься от этих мыслей, иначе ты с ума сойдешь. Иди. — Ладно, — кивнул Ян. Он поправил воротник своей дорожной куртки и направился к выходу из легочного центра. Через десять минут он уже переступал порог колоссального конгресс-центра Манхэттена. Внутри здания гудели мощнейшие климатические системы, разгоняя абсолютно чистый, прохладный воздух. И вот тут Ян мгновенно понял, как сильно он промахнулся. Вокруг него стояли тысячи людей, и все они были одеты в безупречные, дорогие деловые костюмы от кутюр, строгие галстуки, шикарные швейцарские часы и вечерние шелковые платья. Здесь собрались крупнейшие международные инвесторы, министры экологии, политики и нефтяные миллионеры. Один Ян Польский стоял посреди этого элитного, пафосного великолепия как белая ворона — в своей помятой, пыльной дорожной куртке, старых джинсах и стоптанных кроссовках. Он ведь просто не знал, что на лекции его школьного друга будет такой жесткий, бескомпромиссный дресс-код, а его единственный приличный костюм остался далеко в Огайо. На него косились высокомерные буржуа, к нему уже присматривались двое массивных охранников у входа, но Яну было глубоко плевать на их взгляды. В этот момент в зале начал медленно гаснуть свет. Огромный экран во всю

стену вспыхнул сложнейшими неоновыми графиками тропосферы. Все трибуны мгновенно замерли, вытянувшись в струнку. Тысячи богачей, затаив дыхание, ждали только одного — выхода Альберта Круза. Человека из народа, который прямо сейчас готовился разыграть перед ними свою самую прибыльную ложь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.